

Нахлебник

Автор:

Иван Тургенев

Нахлебник

Иван Сергеевич Тургенев

Характеризуя особую значимость темы «чужого хлеба» в условиях русской крепостнической действительности, Л. М. Лотман в своей книге о драматургии сороковых-пятидесятых годов убедительно показала, что «трагедия зависимой личности, задавленной нуждой и несправедливостью», сочетается в пьесах Тургенева, особенно в «Нахлебнике», «с сатирическим обличением ложной просвещенности, помещичьего произвола, лицемерно скрытого за внешне гуманными формами современного европейского быта».

Иван Сергеевич Тургенев

Нахлебник

Комедия в двух действиях

Действующие лица

Павел Николаевич Елецкий, коллежский советник, 32 лет. Петербургский чиновник; холоден, сух, неглуп, аккуратен; одет просто, со вкусом. Человек дюжинный, не злой, но без сердца.

Ольга Петровна Елецкая, урожденная Корина, его жена, 21 года. Доброе, мягкое существо; мечтает о свете и боится света; любит мужа, ведет себя весьма прилично. Хорошо одевается.

Василий Семеныч Кузовкин, дворянин, проживающий на хлебах у Елецких, 50 лет. Носит сюртук с стоячим воротником и медными пуговицами.

Флегонт Александрыч Тропачев, сосед Елецких, 36 лет. Помещик 400 душ, не женат. Высокого роста, виден собою, говорит громко, рисуется. Служил в кавалерии и вышел в отставку поручиком. Ездит в Петербург и собирается за границу. По природе грубоват и даже подловат. Одет в зеленый круглый фрак, гороховые панталоны, шотландский жилет, шелковый галстук с огромной булавкой. Носит лакированные сапоги и палку с золотым набалдашником. Острижен коротко, ? la malcontent[1 - под гребенку (франц.)].

Иван Кузьмич Иванов, другой сосед, 45 лет. Смирное и молчаливое существо, не лишенное своего рода гордости, друг Кузовкина. Охотно грустит. Носит старенький коричневый фрак, вымытый желтоватый жилет и серые панталоны. Очень беден.

Карпачов, тоже сосед, 40 лет. Очень глупый человек, с усами, нечто вроде адъютанта Тропачева. Не богат. Носит венгерку и шаровары. Говорит басом.

Нарцыс Константиныч Трёмбинский, дворецкий и метрдотель Елецких, 40 лет. Пронырлив, криклив, хлопотлив. В сущности большая бестия. Одет хорошо, как следует дворецкому в богатом доме. Говорит правильно, но с белорусским произношением.

Егор Карташов, управитель, 60 лет. Пухлый, заспанный человек. Где можно крадет. Одет в долгополый синий сюртук.

Прасковья Ивановна, кастелянша, 50 лет. Сухое, злое и желчное существо. На голове носит платок; ходит в темном платье; шамкает.

Маша, горничная, 20 лет. Свежая девка.

Анпадист, портной, 70 лет. Дряхлый, выживший из ума, изнуренный и севший на ноги дворовый человек.

Петр, лакей, 25 лет. Молодой, здоровый парень. Зубоскал и балагур.

Васька, казачок, 14 лет.

Действие первое

Сцена представляет залу в доме богатого помещика; направо два окна и дверь в сад; налево дверь в гостиную; прямо – в переднюю. Между окнами раздвижной стол, на столе шашечница. Спереди налево другой стол и два кресла. Между гостиной и передней вход в коридор.

Трембинский (за сценой). Это беспорядок! Я во всем здесь нахожу беспорядок! Это непροститительно!.. (Входя в сопровождении Петра лакея и казачка Васьки.) Я имею формальное предписание от госпожи! Меня здесь все должны слушаться! (К Петру.) Понимаешь ты меня?

Петр. Слушаю-с.

Трембинский. Госпожа с своим супругом сегодня сюда приехать изволят... – меня вот наперед прислали, – а мы что здесь делаем? Ничего! (Обращается к казачку.) Ты зачем здесь? Шататься тоже любишь, а? Ничего не делать тоже? (Схватывает его за ухо и держит.) Даром хлеб есть? Это вы все любите даром хлеб есть! Знаем мы вас! Вон! на место! (Казачок уходит. Трембинский садится в кресло.) Совсем, ей-богу, замучился! (Вскакивает.) А что ж портного мне не представляют? Где ж, наконец, этот портной?

Петр (глянув в переднюю). Пришел портной-с.

Трембинский. Что же он не входит? Чего дожидается? Поди сюда, братец ты мой, как тебя зовут?

(Входит Анпадист и становится у дверей, заложив руки за спину.)

Трембинский (Петру). Это портной?

Петр. Точно так-с.

Трембинский. (Анпадисту). Сколько тебе лет, братец ты мой?

Анпадист. Семидесятый годок пошел, батюшка.

Трембинский (Петру). И другого нет у вас портного?

Петр. Никак нет-с. Был другой, да негодным оказался. По причине косноязычья.

Трембинский (поднимая руку к небу). Что за беспорядки! (Анпадисту.) Ну, ты, старина, исполнил приказание?

Анпадист. Исполнил, батюшка.

Трембинский. Воротники на ливреях подшил?

Анпадист. Подшил, батюшка. Только, батюшка, желтого суконца не хватило... батюшка.

Трембинский, Ну так как же ты распорядился?

Анпадист. А, батюшка, мне из кладовой юбочку старенькую выдали, желтенькую такую.

Трембинский (махая руками). И не говори!.. Ну, однако, делать нечего. Не ехать же теперь в город за сукном. Ступай. (Анпадист хочет идти.) Да смотри у меня! Живо! А то ведь я, брат, того... Ну, ступай. (Анпадист уходит. Трембинский опять садится и тотчас опять вскакивает.) Ах, да! чистят ли дорожки в саду?

Петр. Как же-с, чистят-с. С деревни бестягольных нагнали.

Трембинский (подступает к Петру). Да ты кто?

Петр (с изумлением). Чего изволите-с?

Трембинский (подступает ближе к Петру). Ты кто, говорят тебе, кто ты?

Петр (с возрастающим изумлением). Я-с?

Трембинский (подходит к самому носу Петра). Да, ты, ты, ты... Кто ты?

(Петр конфузится, глядит на Трембинского и молчит.)

Трембинский. Да говори же, наконец, – тебя я спрашиваю: кто ты такой?

Петр. Я Петр-с.

Трембинский. Нет, ты лакей – вот ты кто. Дом – твое дело; и лампы чистить – тоже твое дело; а сад – не твое дело. Бестягольных ли нагнали или других там каких-нибудь – это не твое дело. Это дело приказчика. Я тебя не спрашивал; я от тебя ответа не требовал. Твое дело за приказчиком сходить. Вот это – твое дело.

Петр. Да вот они сами сюда идут-с.

(Входит Егор из передней.)

Трембинский. А, Егор Алексеич! очень кстати изволили прийти. Скажите, пожалуйста, вы распорядились там в саду, насчет...

Егор. Распорядился, Нарцыс Константиныч. Не извольте беспокоиться... Табачку не хотите ли?

Трембинский (берет табак у Егора и нюхает). Вы не поверите, Егор Алексеич, в каких я хлопотах с утра. Признаюсь вам откровенно, не ожидал я в таком большом имении найти подобные беспорядки! Не по вашей части, разумеется, не по хозяйству – а в доме.

Егор. Та-ак-с.

Трембинский. Вообразите себе, например, спрашиваю: музыканты имеются? Вы понимаете – надо господ как следует встретить. Говорят мне, имеются. Ну, говорю, подайте их сюда. Что ж вы думаете? Все они, музыканты-то, в разных должностях состоят. Кто огородником, кто сапожником; контрабас за волами ходит. На что это похоже? Инструменты тоже в беспорядке. Насилу кое-как сладил. (Опять нюхает табак.)

Егор. Хлопотливую должность изволили получить-с.

Трембинский. Да, смею сказать, не даром хлеб свой ем... А что, музыканты стоят у крыльца?

Егор. Как же, у крыльца. Дождик накрапывать стал – так они было в официантскую забрались: инструменты, говорят, подмочит. Да я их, признаться, выгнал. Ну неравно вестовой прозеваает – господа вдруг пожалуют. А инструменты можно под полой подержать.

Трембинский. Совершенно справедливо. Кажется, всё теперь в порядке.

Егор. Будьте спокойны, Нарцыс Константиныч. (Взглядывает на Петра.) Ты что тут торчишь? Ступай-ко вон, на свое место, мой любезный, между прочим... (Петр уходит в переднюю. Из коридора выбегает Маша.) Ишь, ишь, ишь, куда, сударыня, спешите?

Маша. Ах, Егор Алексеич, оставьте! Прасковья Ивановна уж и так затормошила совсем. (Бежит в переднюю.)

Егор (глядит ей вслед, потом оборачивается к Трембинскому и подмигивает глазом. Трембинский ухмыляется). А позвольте узнать, Нарцыс Константиныч, который час?

Трембинский (смотрит на часы). Три четверти одиннадцатого. Того и гляди господа приедут.

(Из передней показывается Кузовкин, останавливается, делает кому-то сзади себя за дверью знаки, осторожно входит и пробирается к столу возле окон.)

Егор. Пойду сбегаю в контору. Староста, наверно, себе бороды не вычесал, а целоваться небось тоже полезет... (Уходя, сталкивается с Кузовкиным.)

Кузовкин. Здравствуйте, Егор Алексеич!

Егор (не без досады). Эх, Василий Семеныч! не до вас. (Уходит в переднюю. Кузовкин продолжает пробираться к окну.)

Трембинский (оглядывается и замечает Кузовкина. Про себя.) А, этот! (Кузовкин кланяется Трембинскому, Трембинский небрежно кивает головой и говорит ему через плечо.) Ну, что? И вы туда же? Тоже молодых господ встречать собрались?.. а?

Кузовкин. Как же-с.

Трембинский. Ну что ж, и рады вы? (Не дожидаясь его ответа.) Приоделись?

Кузовкин. Да... то есть...

Трембинский. Хорошо, хорошо... Вы можете тут в уголку посидеть. (Кузовкин кланяется.) Ах, да! я и забыл! Петр!.. Петр!.. Петрушка!.. Что это? Никого нет в передней?

Иванов (до половины высовываясь из передней). Что угодно-с?

Трембинский (не без удивления). Да позвольте... Вы... каким образом...

Иванов (не выказываясь более). Иванов, Иван Кузьмич... вот их приятель-с...
(Указывает на Кузовкина.)

Кузовкин (Трембинскому). Сосед... здешний-с... В гости ко мне пришел-с.

Трембинский (с расстановкою и качая головой). Эх, не время теперь... не место здесь, господа!

(Петр выходит из передней мимо самого носа Иванова. Иванов прячется.)

Трембинский (Петру). Где ты пропадаешь? Ступай за мной... Я хочу посмотреть – что у тебя там в кабинете... Чай, всё не так, как я приказал... Положись-ка на вас!

(Оба уходят в гостиную. Кузовкин остается один.)

Кузовкин (после некоторого молчания). Ваня... а Ваня!

Иванов (из передней, не показываясь). Чего?

Кузовкин. Войди, Ваня, ничего, можно.

Иванов (медленно входит). Я лучше уйду.

Кузовкин. Нет, останься. Что за беда? Ты ко мне пришел. Вот поди сюда. Вот тут сядь-ка. Это вот мой угол.

Иванов. Пойдем лучше в твою комнату.

Кузовкин. В мою комнату нам теперь идти нельзя. Там теперь белье разбирают... Перин тоже много нанесли. Да здесь чем худо?

Иванов. Нет, я лучше домой пойду.

Кузовкин. Нет, Ваня, ты останься. Сядь-ка вот тут, ся-ядь. И я сяду. (Кузовкин садится.) Наши вот сейчас приедут. Посмотри на них.

Иванов. Чего смотреть.

Кузовкин. Как чего смотреть? Ольга-то Петровна в Петербурге замуж вышла. Каков-то у нее муженек? Ну, да и ее мы с тобой давно не видали. Шесть лет с лишком. Сядь.

Иванов. Да что, Василий Семеныч, право...

Кузовкин. Сядь, сядь, говорят. Ты не смотри на то, что новый дворецкий кричит. Бог с ним совсем! Он ведь для этого приставлен.

Иванов. Ольга Петровна-то, чай, за богатого вышла? (Садится.)

Кузовкин. Не знаю, Ваня, как тебе сказать, а чиновник, говорят, важный. Ну, Ольге Петровне так и следовало. Не век же ей было со своей теткой жить.

Иванов. А как бы, Василий Семеныч, новый-то барин нас с тобою не выгнал.

Кузовкин. А зачем ему нас выгнать?

Иванов. То есть я про тебя говорю.

Кузовкин (со вздохом). Знаю, Ваня, знаю. Ты, брат, что ни говори, все-таки помещик. А на меня и платье-то не из целого кроят. Всё с чужого плеча. А всё-таки новый барин меня не выгонит. Покойный барин – и тот меня не выгнал... А уж на что был сердит.

Иванов. Да ты, Василий Семеныч, петербургских молодцов не знаешь.

Кузовкин. А что, Иван Кузьмич, разве они... того?

Иванов. Просто, говорят, беда! Я их тоже не знаю, а слышал.

Кузовкин (после минутного молчания). Ну, посмотрим. Я на Ольгу Петровну надеюсь. Она не выдаст.

Иванов. Не выдаст! Да она, чай, и забыла тебя совсем. Ведь она отсюда, после смерти покойной матушки своей, – с теткой-то с своей, – ребенком выехала. Что ей? и четырнадцати лет не было. Ты с ней в куклы игрывал – велико дело! Она и не посмотрит на тебя.

Кузовкин. Ну нет, Ваня.

Иванов. Вот увидишь.

Кузовкин. Ну полно же, Ваня, пожалуйста.

Иванов. Да вот увидишь, Василий Семеныч.

Кузовкин. Право, Ваня, перестань... Сыграем-ка лучше в шашки... А? как потвоему? (Иванов молчит.) Что так сидеть-то? Давай-ка, брат, давай.

(Берет шашечницу и расставляет шашки.)

Иванов (тоже расставляет шашки). Нашел время, нечего сказать. Дворецкий позволит тебе, как же!

Кузовкин. А мы разве кому мешаем?

Иванов. Да господа сейчас приедут.

Кузовкин. Господа приедут – мы бросим. В правой или в левой?

Иванов. Уж прогонят нас с тобой, Василий Семеныч, вот увидишь. В левой. Тебе начинать.

Кузовкин. Мне... Я, брат, сегодня вот как начинаю.

Иванов. Вишь, что вздумал. А я вот как.

Кузовкин. А я сюда.

Иванов. А я сюда.

(Вдруг в передней поднимается шум. Казачок Васька вбегает сломя голову и кричит: «Едут! Едут! Нарцыс Коскенкиныч! едут!..» Кузовкин и Иванов вскакивают.)

Кузовкин (в большом волнении). Едут? едут?

Васька (кричит). Махальный знак подал – едут!

(Из гостиной раздается голос Трембинского: «Что такое? господа – господа едут?» Он вместе с Петром выбегает из гостиной.)

Трембинский (кричит). Музыканты! музыканты по местам!

(Убегает в переднюю; Петр и казачок за ним. Из коридора выскакивает Маша.)

Маша. Господа едут?

Кузовкин. Едут, едут.

(Иванов с тоской забивается в угол. Маша бежит в коридор с криком. «Едут!»
Через мгновение из коридора вырывается Прасковья Ивановна, а из передней
Трембинский.)

Прасковья Ивановна. Едут?

Трембинский. Девочек зовите сюда, девочек!

Прасковья Ивановна (кричит в коридор). Девки! девки!

Егор (выбегая из передней). А где ж хлеб-соль, Нарцис Константиныч?

Трембинский (кричит во все горло). Петр! Петр! Хлеб-соль! Где хлеб-соль? (Из
коридора выходят шесть разряженных девочек.) В переднюю, девочки, в переднюю!

(Девки бегут в переднюю и сталкиваются в дверях с Петром. У него в руках
блюдо с огромным кренделем и солонкой.)

Петр. Тише вы, сумасшедшие!

Трембинский (вырывает у Петра блюдо, и передает его на руки Егору). Это вам...
Ступайте на крыльцо, ступайте.

(Выталкивает его вон вместе с Петром и Прасковьей Ивановной, бежит сам за
ним и кричит в передней: «А люди-то где?.. людей сюда!»)

Голос Петра. Анпадиста позовите!

Другой голос. У него десятский сапоги отобрал...

Голос Трембинского. Кучеров сюда, кучеров!

Голоса девок. Едут, едут!

Голос Трембинского. Молчать теперь, молчать!

(Воцаряется глубокое молчание. Кузовкин, который во всё время тревоги находился в большом волнении, но почти не сходил с места, с жадностью прислушивается. Вдруг музыка начинает фальшиво играть: «Гром победы, раздавайся...» Карета подъезжает к крыльцу, раздаётся говор, музыка умолкает. Слышны лобызанья... Через мгновение входят Ольга Петровна, ее муж; у него в одной руке крендель; за ними Трембинский, Егор с блюдом, Прасковья Ивановна и дворня, которая, однако, останавливается в дверях.)

Ольга (с улыбкой мужу). Ну вот, мы дома, наконец, Paul. (Елецкий жмет ей руку.) Как я рада! (Обращаясь к дворным.) Благодарствуйте, благодарствуйте! (Указывая на Елецкого.) Вот вам ваш новый господин... Прошу любить и жаловать. (К мужу.) Rendez cela, mon ami.[2 - Отдайте это, мой друг. (франц.)] (Елецкий отдает крендель Егору.)

Трембинский (наклонив всю верхнюю часть тела). Не угодно ли будет что приказать... покушать... или, может быть, чаю...

Ольга. Нет, благодарствуйте, после. (К мужу.) Я хочу показать тебе весь наш дом, твой кабинет... Я целых семь лет здесь не была... семь лет!

Елецкий. Покажи.

Прасковья Ивановна (принимая с рук Ольги шляпу и мантилью). Матушка вы наша, голубушка...

Ольга (улыбается ей в ответ и глядит кругом). А постарел наш дом... И комнаты мне меньше кажутся.

Елецкий (голосом ласкового наставника). Это всегда так кажется. Ты отсюда ребенком выехала.

Кузовкин (который всё время глаз не спускал с Ольги, подходит, к ней). Ольга Петровна, позвольте... (Голос у него прерывается.)

Ольга (сперва не узнает его). А... ах, Василий... Василий Петрович, как ваше здоровье? Я вас и не узнала сперва.

Кузовкин (целует у ней руку). Позвольте... поздравить...

Ольга (мужу, указывая на Кузовкина). Старый наш приятель, Василий Петрович...

Елецкий (кланяется). Очень рад.

(Иванов издали тоже кланяется, хотя его еще не заметили.)

Кузовкин (кланяется Елецкому). С приездом... Мы все... так рады...

Елецкий (кланяется ему еще раз, и вполголоса жене). Кто это?

Ольга (тоже вполголоса). Бедный дворянин, у нас в доме проживает. (Громко.) Ну, пойдем, я тебе хочу весь дом показать... Я здесь родилась, Paul, я здесь выросла...

Елецкий. Пойдем, С удовольствием... (Обращаясь к Трембинскому.) А вы, пожалуйста, прикажите моему камердинеру... вещи там мои...

Трембинский (торопливо). Слушаю, слушаю-с.

Ольга. Пойдем же, Paul. (Оба идут в гостиную.)

Трембинский (ко всей дворне, вполголоса). Ну, друзья мои, ступайте теперь по местам. Вы, Егор Алексеич, останьтесь в передней – неравно барин спросит.

(Егор и дворовые уходят в переднюю, Прасковья Ивановна с горничными в коридор.)

Прасковья Ивановна (в дверях). Идите, идите... Да ты, Машка, чего смеешься?
(Уходит.)

Трембинский (к Кузовкину и Иванову). А вы, господа, здесь останетесь, что ли?

Кузовкин. Мы здесь останемся.

Трембинский. Ну хорошо... Только, пожалуйста, вы знаете... (Делает знаки руками.) Ради бога... а то ведь с нас же взыщут... (Уходит на цыпочках в переднюю.)

Кузовкин (глядит ему вслед и быстро обращается к Иванову). А, Ваня, какова? Нет, скажи, какова? Как выросла, а? Красавица какая стала? И меня не забыла. А видишь, Ваня, видишь: выходит – я прав.

Иванов. Не забыла... А зачем же она тебя Васильем Петровичем-то величает?

Кузовкин. Экой ты, Ваня! Ну, что ж тут такое – Петрович, Семеныч, ну, не всё ли равно; ну, сам посуди, ты ведь умный человек. Мужу своему меня представила. Видный мужчина! Молодец! и лицо такое... О, да он, должно быть, чиновный человек! Как ты думаешь, Ваня?

Иванов. Не знаю, Василий Семеныч. Я вот лучше уйду.

Кузовкин. Экой ты, Ваня! да что с тобой сделалось? На себя, ей-богу, не похож. Уйду да уйду. Ты лучше мне скажи, какова тебе наша молодая показалась?

Иванов. Хороша, что ж, я не говорю.

Кузовкин. Улыбка одна чего стоит... А голос, а? Малиновка, просто, канарейка. И мужа своего любит. Это сейчас видно. А, Ваня? ведь видно?

Иванов. Господь их знает, Василий Семеныч.

Кузовкин. Грешно тебе, Иван Кузьмич, ей-богу грешно. Человеку весело – а ты... Да вот они опять сюда идут.

(Входят Ольга и Елецкий из гостиной.)

Ольга. Не велик наш дом, как видишь. Чем богаты, тем и рады.

Елецкий. Помилуй, прекрасный дом; превосходно расположен.

Ольга. Ну, теперь пойдем в сад.

Елецкий. С удовольствием... а впрочем... мне бы хотелось слова два переговорить с твоим управляющим.

Ольга (с упреком). С твоим?

Елецкий (с улыбкой). С нашим. (Целует у ней руку.)

Ольга. Ну, как хочешь. Я вот с собой Василья Петровича возьму. Василий Петрович, пойдете в сад... Хотите?

Кузовкин (с сияющим от удовольствия лицом). Помилуйте... я... я...

Елецкий. Надень шляпу, Оля.

Ольга. Не нужно. (Накидывает шарф на голову.) Пойдемте, Василий Петрович.

Кузовкин. Позвольте, Ольга Петровна, представить вам одного... тоже...
здешнего соседа, Иванова...

(Иван Кузьмич конфузится и кланяется.)

Ольга. Очень рада. (К Иванову.) Угодно вам идти с нами в сад? (Иванов
кланяется.) Дайте мне вашу руку, Василий Петрович...

Кузовкин (не веря ушам). Как-с...

Ольга (смеясь). Да вот так. (Берет его руку и продевает свою.) Помните ли вы,
Василий Петрович... (Уходят в стеклянную дверь. Иванов идет за ними.)

Елецкий (подходит к стеклянной двери, глядит вслед жене, возвращается к
столу налево и садится). Эй! кто там? Человек!

Петр (выходя из передней). Чего изволите-с?

Елецкий. Как тебя зовут, любезный?

Петр. Петром-с.

Елецкий. А! Ну, так позови же мне управляющего – как бишь его зовут – Егором,
что ли?

Петр. Точно так-с.

Елецкий. Позови-ка его.

(Петр уходит. Спустя мгновение входит Егор, останавливается у дверей и
складывает руки за спину.)

Елецкий (голосом начальника отделения). Егор, я намерен осмотреть завтра имение Ольги Петровны.

Егор. Слушаю-с.

Елецкий. Много здесь душ?

Егор. В селе Тимофеевском триста восемьдесят четыре мужеска пола, по ревизии. Налицо больше...

Елецкий. А сколько больше?

Егор (кашляет в руку). Душ, эдак, будет десятка с два.

Елецкий. Гм... Прошу аккуратно узнать и донести. Чересполосица есть?

Егор. В круглой меже дача состоит-с.

Елецкий (глядит на Егора с некоторым недоумением). Гм... А удобной земли много?

Егор. Достаточно-с. Двести семьдесят пять десятин в клину.[1 - Двести семьдесят пять десятин в клину. – См. разъяснение этих строк в письме Тургенева к Л. Пичу, приведенном выше, с. 603.]

Елецкий (опять с недоумением глядит на Егора). А неудобной сколько?

Егор (с некоторой расстановкой). Как вам доложить-с. Под кустарниками... овраги тоже есть... Ну, да вот под усадьбой... выгон тоже. (Оправившись.) Под покос идет-с.

Елецкий (играя бровями). А сколько именно?

Егор. Да кто ее знает-с. Земля не меряная. Разве на плане означено. Десятин, пожалуй что, пятьдесят набезит.

Елецкий (про себя). Всё это беспорядки. (Громко.) А лес есть?

Егор. Двадцать восемь десятин-с с осьминником.

Елецкий (громко с расстановкой). Стало быть, всего десятин эдак с пятьсот имеется?

Егор. С пятьсот-с? За две тысячи наберется.

Елецкий. Как же ты сам... (Останавливается.) Да... да... я... я так и хотел сказать. Понимаешь?

Егор. Слушаю-с.

Елецкий (весьма серьезно). Ну, а что, здешние мужики хорошо себя ведут? Смирны?

Егор. Народ хороший-с. Острастку любит-с.

Елецкий. Гм... Ну и не разорены?

Егор. Как можно-с! Никак нет-с. Много довольны.

Елецкий. Ну, я это всё сам завтра разберу. Можешь идти. Да, скажи пожалуйста, что это за господин тут живет – кто он такой?

Егор. Кузовкин, Василий Семеныч, дворянин. На хлебах-с проживает. Еще со времен старого барина. Они их, можно сказать, для потехи при себе держали.

Елецкий. И давно он здесь живет?

Егор. Давно-с. Со смерти старого барина двадцатый год пошел, а Василий Семеныч-то еще при жизни покойника у нас поселился.

Елецкий. Ну, хорошо... А что – у вас контора ведь есть?

Егор. Как без конторы быть-с...

Елецкий. Это я всё завтра осмотрю. Ступай. (Егор уходит.) А этот управляющий, кажется, глуп. Впрочем, увидим. (Встает и прохаживается.) Вот я и в деревне – у себя в деревне. Странно как-то. А хорошо.

(В передней раздается голос Тропачева: «Приехали? Сегодня?»)

Елецкий (про себя). Кто это?

Петр (входя из передней). Тропачев, Флегонт Александрыч, приехали-с. Желают вас видеть-с... Что прикажете доложить-с?

Елецкий (про себя). Кто бишь это такой... Знакомое имя. (Громко.) Приси.

Тропачев (входит). Здравствуйте, Павел Николаич, bonjour. (Елецкий кланяется с заметным недоумением.) Вы меня как будто не узнаете... Помните, в Петербурге, у графа Кунцова...

Елецкий. Ах, точно... милости просим, я очень рад... (Жмет ему руку.)

Тропачев. Я ваш ближайший сосед. Живу в двух верстах отсюда. В город езжу мимо самого вашего дома. Я знал, что вас ожидали... Дай, думаю, заеду, справлюсь сегодня. Но если я не вовремя приехал, вы мне, пожалуйста, скажите. Entre gens comme il faut[3 - Между порядочными людьми (франц.).] – вы понимаете, – что за церемонии!

Елецкий. Напротив, – я надеюсь, что вы останетесь обедать у нас... хотя я не знаю, что нам приготовил наш деревенский повар.

Тропачев (рисуюсь и играя палкой). О боже мой, я знаю, у вас всё на большой ноге. Вы, я надеюсь, сделаете мне тоже честь отобедать на днях у меня... Вы не поверите, как я рад вашему приезду. Здесь так мало порядочных людей, des gens comme il faut. – Et madame? Как ее здоровье? Я знавал ее ребенком. Да, да, я знаю вашу жену, очень хорошо знаю. Поздравляю вас, Павел Николаич, от

души поздравляю. Хе-хе. Но она, вероятно, меня нисколько не помнит. (Опять рисуется и гладит бакенбарды.)

Елецкий. Она будет очень рада... Она пошла гулять в сад с этим... с этим господином, который здесь проживает.

Тропачев (с пренебрежением). А – с этим! Ведь это, кажется, нечто вроде шута... А впрочем, человек он смирный. Кстати, со мной другой дворянин приехал... Он там в передней... Вы позволите?

Елецкий. Сделайте одолжение... Как же в передней...

Тропачев. Oh, ne faites pas attention.[4 - О, не обращайтесь внимания. (франц.)] Это так; это... это ничего. Тоже по бедности у меня проживает. Ездит со мной... Одному, знаете, в дороге скучно. Пожалуйста, не беспокойтесь... je vous en prie.[5 - прошу вас (франц.).] (Подходит к передней.) Карпачов! войди, братец. (Карпачов выходит и кланяется.) Вот-с, Павел Николаич, рекомендую-с.

Елецкий. Я очень рад.

Тропачев (берет Елецкого под руку и тихонько отворачивает его от Карпачова, который скромно отходит в сторонку). C'est bien, c'est bien.[6 - Хорошо, хорошо. (франц.)] Надолго вы у нас поселились, Павел Николаич?

Елецкий. Я взял трехмесячный отпуск. (Оба начинают ходить взад и вперед.)

Тропачев. Мало... мало. Ну, я понимаю, вам нельзя было больше. И то, я думаю, вас с трудом отпустили. Хе-хе. Надо вам отдохнуть. Что, вы охоту любите?

Елецкий. Я отроду ружья в руки не брал... Однако перед отъездом купил себе собаку. А что, здесь много дичи?

Тропачев. Есть, есть. Это уж, если вы позволите, я на себя возьму. Мы из вас сделаем охотника. (К Карпачову.) Что, у нас в Малиннике выводки есть?

Карпачов (из угла басом). Два выводка – а в Каменной Гряде три.

Тропачев. А, хорошо!

Карпачов. Федул-лесник тоже намедни сказывал, что в Горелом...

(Из сада входит Ольга с Кузовкиным и Ивановым. Карпачов умолкает и кланяется.)

Ольга. Ах, Paul, как наш сад хорош... (Останавливается при виде Тропачева.)

Елецкий (Ольге). Позволь мне тебе представить...

Тропачев (перебивая Елецкого). Извините, извините, мы старые знакомые... Ольга Петровна, вероятно, не узнает меня... И не удивительно. Я ее знал (показывая рукой на аршин от пола) *Сомме ?а[7* - вот такой (франц.).]. (Рисуется и продолжает с улыбкой.) Тропачев, Флегонт... Помните соседа Тропачева, Флегонта? Помните, он вам игрушки из города привозил? Вы были тогда такой милый ребенок - а теперь... (Значительно напирает на последнем слове, кланяется, отступает шаг назад и выпрямляется, весьма довольный собою.)

Ольга. Ах, м'сьё Тропачев, как же... Я теперь узнаю вас... (Протягивает ему руку.) Вы не поверите, как я счастлива с тех пор, как я здесь.

Тропачев (сладко). Будто только с тех пор?

Ольга (улыбается ему в ответ). Мое детство мне так живо вспомнилось... Paul, ты непременно должен со мною пойти в сад. Я покажу тебе акацию, которую я сама посадила... Она теперь гораздо выше меня.

Елецкий (Ольге, указывая на Карпачова). М'сьё Карпачов, тоже сосед.

(Карпачов кланяется и жметя в угол, куда уже успели забиться Кузовкин и Иванов.)

Ольга. Я очень рада...

Тропачев (Ольге). Ne faites pas attention.[8 - Не обращайтесь внимания. (франц.)]
(Громко и потирая руки.) Итак, вот вы у себя в деревне, наконец – хозяйкой... Как время-то летит, а?

Ольга. Вы, надеюсь, у нас обедаете?

Елецкий. Я уже пригласил... pardon... как вас по имени и по отчеству?

Тропачев. Флегонт Александрыч.

Елецкий. Я пригласил Флегонта Александрыча... Боюсь я только, что обед...

Тропачев. О, полноте!

Ольга (отводя немного Елецкого в сторону). Не вовремя приехал этот господин...

Елецкий. Да... Впрочем, он, кажется, порядочный человек.

Тропачев (отходит в сторону и, непринужденно покачиваясь и покусывая набалдашник своей палки, подходит к Кузовкину и говорит ему в нос). А, вот вы? Ну, как вы?

Кузовкин. Слава богу-с – покорнейше благодарю-с.

Тропачев (указывая локтем на Карпачова), Вы ведь его знаете?

Кузовкин. Как же-с... мы знакомы-с.

Тропачев. Так, так, так... (К Иванову.) А как бишь вас? И вы тут?

Иванов. И я-с.

Ольга (к Тропачеву). М'сьё... м'сьё Тропачев...

Тропачев (быстро оборачивается). Madame?

Ольга. Ведь я с вами, как с старым приятелем, – без церемонии, не правда ли?

Тропачев. Помилуйте...

Ольга. Вы мне позвольте пойти к себе... Мы только что приехали... Надобно посмотреть...

Тропачев. Сделайте одолжение, Ольга Петровна... Да и вы, Павел Николаич, будьте как дома, хе-хе. Мы вот здесь поболтаем немножко с этими господами...

Ольга. Притом – вы хоть и старый приятель, но всё-таки мне совестно... в этом дорожном платье...

Тропачев (ухмыляясь). Я бы не принял подобного... подобного предлога... если б я не знал, что для дам... туалет... всегда... так сказать... всегда приятно... (Запутывается, кланяется и рисуется.)

Ольга (смеясь). Вы злы... Я вас оставляю, господа... до свиданья. (Уходит в гостиную.)

Тропачев. Павел Николаич, позвольте мне еще раз поздравить вас... Вы, можно сказать, счастливый человек...

Елецкий (улыбается и жмет ему руку). Вы правы... Фаддей... Флегонт Александрыч.

Тропачев. Но, послушайте, я вас, может быть, удерживаю?

Елецкий. Напротив, Флегонт Александрыч. Знаете ли что?.. Вам, как хозяину, это не будет неприятно...

Тропачев (надвигаясь на Павла Николаича и прижимая его руку к своему желудку). Располагайте мною, Павел Николаич, прошу вас.

Елецкий. Хотите, мы перед завтраком сходим на гумно? Отсюда два шага – подле сада.

Тропачев. Enchante![9 - Я в восторге! (франц.)] помилуйте.

Елецкий. Ну так берите вашу шляпу. (Громко.) Человек, кто там? (Входит Петр.)
Завтрак вели приготовить.

Петр. Слушаю-с. (Уходит.)

Тропачев. Карпачов пойдет с нами, если вы позволите.

Елецкий. Очень рад... (Оба уходят. Карпачов идет за ними.)

Кузовкин (живо обращаясь к Иванову). Ну, Ваня, скажи теперь сам, какова наша Оля?

Иванов. Что ж, я не говорю, – хороша.

Кузовкин. А ласкова-то как, Ваня?

Иванов. Да – она не то, что он.

Кузовкин. А чем же он дурен? Ты, Ваня, рассуди: он человек важный, привык, знаешь, эдак себя держать. Он бы и рад, да ты понимаешь: нельзя. Оно у них так там требуется. А заметил ли ты, Ваня, какие у ней глаза?

Иванов. Нет, не заметил, Василий Семеныч.

Кузовкин. Я, брат, тебе после этого удивляюсь, – ей-богу. Это нехорошо, Ваня, право нехорошо.

Иванов. Может быть; что ж, я не говорю... А вот дворецкий идет.

Кузовкин (понижив голос). Ну что ж, что идет. Мы ничего.

(Входит Трембинский с Петром. Петр несет завтрак на подносе.)

Трембинский (выдвигая стол на середину сцены). Вот здесь поставь, да не разбей смотри. (Петр ставит поднос и разворачивает скатерть. Трембинский отнимает ее у него.) Подай... Это я сам, а ты за вином ступай. (Петр уходит. Трембинский накрывает стол и сбоку поглядывает на Кузовкина.) Эка, подумаешь, иные люди – точно в сорочке родятся. Наш брат бьется, как рыба о лед, из-за куска хлеба, а им всё достается даром. Где после этого, позвольте спросить, справедливость на свете? Удивительное, право, дело!

Кузовкин (осторожно прикасается плеча Трембинского. Трембинский глядит на него с удивлением). Об стену... замарались...

Трембинский. Вот еще... велика беда... оставьте. (Входит Петр с бутылками и вазой шампанского, которую ставит на маленький стол подле двери.) Ну, иди, поворачивайся. (Берет бутылки и ставит на стол.) Да шашки вон приberi... Вишь, когда вздумали господу играть... И что за игра? Дворянская это игра, что ли? (Петр убирает шашки.)

Иванов (тихо Кузовкину). Прощай, брат.

Кузовкин (тихо). Куда ты?

Иванов (тихо). Домой.

Кузовкин (тихо). Полно, останься.

Егор (выглядывая из передней, торопливо). Нарцыс Константинович, а Нарцыс Константинович...

Трембинский (оглядываясь). Чего?

Егор. Куда барин пошел?

Трембинский. На гумно. А вы что ж не с ним?

Егор. На гумно... Ах, батюшки...

(Хочет бежать, но тотчас же выпрямляется, закидывает руки назад и жметя к двери... Входят Елецкий, Тропачев и Карпачов.)

Елецкий (Тропачеву). Итак – vous ?tes content?[10 - вы довольны? (франц.)]

Тропачев. Tr?s bien, tr?s bien, tout est tr?s bien...[11 - Очень, очень хорошо, все очень хорошо... (франц.)] А, Егор, здравствуй! (Егор кланяется. Тропачев треплет его по плечу.) Это у вас прекрасный человек, Павел Николаич... Вы можете смело на него положиться. (Егор опять кланяется и уходит.) А вот и завтрак. (Подходит к столу.) Э! да это целый обед! Comme c'est bien Servi![12 - Как хорошо сервировано! (франц.)] (Снимает серебряную покрывку с одного блюда.)

Дупели... прошу покорно... хоть бы у Сен-Жоржа... Экая бестия этот Сен-Жорж![2 - Экая бестия этот Сен-Жорж! – См. выше, с. 571.] А кормит славно. Я таки проел у него не одну сотню...

Елецкий. Сядемте – хотите? Человек! стулья...

(Петр подает стулья, Трембинский хлопочет около господ. Елецкий с Тропачевым садятся.)

Тропачев (Карпачову). Садись и ты, Карпаче... (Елецкому.) C'est comme cela que je l'appelle... Vous permettez?[13 - Это я так его называю... Вы разрешаете? (франц.)]

Елецкий. Сделайте одолжение... (Кузовкину и Иванову, которые все не выходят из своего угла.) Да вы что ж, господа, не садитесь... Милости просим.

Кузовкин (кланяясь). Покорнейше благодарим-с... Постоим-с...

Елецкий. Садитесь, прошу вас.

(Кузовкин и Иванов робко садятся за стол. Тропачев сидит, для зрителя, налево от Елецкого, Карпачов в некотором расстоянии направо, возле него Кузовкин и Иванов. Трёмбинский, с салфеткой под мышкой, стоит позади Елецкого, Петр возле двери.)

Елецкий (снимая крышку с блюда). Ну, господа, чем бог послал.

Тропачев (с куском во рту). Parfait, parfait[14 - Превосходно, превосходно (франц.)], - у вас чудесный повар, Павел Николаич...

Елецкий. Вы слишком добры! Итак, вы думаете, уполот хорош будет в нынешнем году?

Тропачев (продолжая есть). Я так думаю. (Выпивая рюмку вина.) За ваше здоровье! Карпаче, что ж ты не пьешь за здоровье Павла Николаича?

Карпачов (вскакивая). Многие лета достойному нашему хозяину... (выпивает рюмку разом) и всяких благ... (Садится.)

Елецкий. Спасибо.

Тропачев (подталкивая локтем Елецкого, Карпачову). Вот бы кого в предводители! а? Как думаешь?

Карпачов. Еще бы! Какого еще им рожна надобно?

Тропачев. А ведь в самом деле, Павел Николаич, если б не служба - какой удивительный сыр, - если б не служба, знаете, быть бы вам нашим предводителем!

Елецкий. Помилуйте...

Тропачев. Нет, я не шучу. (Кузовкину.) А что ж вы не пьете за здоровье Павла Николаича - а? (Иванову.) И вы тоже - а?

Кузовкин (не без замешательства). Я очень рад...

Тропачев. Карпаче, налей ему... да полней. Вот так, что за церемонии.

Кузовкин (встает). За здоровье почтенного хозяина... и хозяйки. (Кланяется, пьет и садится. Иванов тоже кланяется и пьет молча.)

Тропачев. А, браво! (Елецкому.) Погодите... nous allons rire[15 - мы посмеемся (франц.)]. Он довольно забавен – только надо его подпоить. (К Кузовкину, играя ножом.) Ну, как вы поживаете, Имярек Иваныч? я вас давно не видал. Всё помаленьку небось?

Кузовкин. Помаленьку-с, как вы сказывать изволите-с.

Тропачев. Так. Ну, хорошо. А что, Ветрово достается вам, наконец, или нет?

Кузовкин (потупляя глаза). Вам угодно шутить-с.

Тропачев. Помилуйте, с чего вы это взяли? Я в вас участие принимаю. Я нисколько не шучу.

Кузовкин (со вздохом). Никакого еще решенья нету-с.

Тропачев. Будто?

Кузовкин. Никакого-с.

Тропачев. Потерпите, что делать! (К Елецкому, мигая глазом.) Вы, Павел Николаич, может быть, не знаете, что в лице г-на Кузовкина вы видите перед собою помещика, настоящего помещика, владельца – или нет бишь, наследника, но законного наследника сельца Ветрова, Угарова тож... Сколько бишь у вас душ?

Кузовкин. В сельце Ветрове по восьмой ревизии сорок две души состоит; но оно не всё мне достается.

Тропачев (тихо Елецкому). Он на этом Ветрове помешан. (Громко.) А в вашем участке сколько десятин?

Кузовкин (понемногу переставая робеть). Да за выделом седьмых частей и прочих законных треб – восемьдесят четыре десятины с лишком.

Тропачев. А душ сколько вам достается?

Кузовкин. Душ неизвестно сколько. Многие в бегах состоят-с.

Елецкий. Да отчего же вы не владеете вашим именем?

Кузовкин. А тяжба-с.

Елецкий. Тяжба? с кем?

Кузовкин. А другие оказываются наследники. Казенные долги тоже есть, ну и частные.

Елецкий. И давно это дело завязалось?

Кузовкин (постепенно одушевляясь). Давно-с. Еще при покойнике-с, царство ему небесное! За мной бы осталось, да денег нет. Времени тоже мало. Следовало бы в город съездить, разумеется, попросить, похлопотать – да, вишь, некогда-с. Гербовая бумага одна чего стоит. А человек я бедный-с.

Тропачев. Карпаче, налей ему еще рюмку.

Кузовкин (отказываясь). Покорнейше благодарю-с.

Тропачев. Полноте. (Пьет сам.) За ваше здоровье. (Кузовкин встает, кланяется и пьет.) Ну, так как же вы? Эдак не ладно. Эдак вы, пожалуй, дело-то проиграете.

Кузовкин. Что делать-с! Вот уже более года справок даже не собирал... (Тропачев с укором качает головой.) Правда, есть там у меня один человек... Я на него таки надеюсь – а впрочем, господь его знает?

Тропачев (поглядывая на Елецкого). А что это за человек, можно узнать?

Кузовкин. По-настоящему нельзя – ну, да уж что?!.. Лычков, Иван Архипыч, извольте знать?

Тропачев. Не знаю; кто он такой?

Кузовкин. А как же... стряпчий уездный... то есть он прежде был стряпчим... правда, не здесь – а в Венёве. Теперь так проживает, больше торговыми оборотами занимается.

Тропачев (продолжая поглядывать на Елецкого, которого начинает смешить Кузовкин). И этот господин Лычков обещал вам помочь?

Кузовкин (помолчав немного). Обещал-с. Я у него второго сыночка крестил-с, так вот он и обещал-с. Я, дескать, тебе это дело устрою, погоди. А Иван Архипыч известный мастак-с.

Тропачев. Ой ли?

Кузовкин. По губернии мастак-с.

Тропачев. Да ведь он, вы говорите, в отставке и торговыми оборотами занимается?

Кузовкин. Оно точно-с; такая уж ему задача вышла-с, да человек-то он золотой. А я его таки давненько не видал.

Тропачев. А как?

Кузовкин. Да уж будет с год-с.

Тропачев. Эх, как же это вы так, как бишь вас! Нехорошо.

Кузовкин. Совершенную правду извольте говорить-с. Да что прикажете делать-с!

Елецкий. Да расскажите нам, в чем дело?

Кузовкин (откашливаясь и приходя в азарт). Дело вот в чем-с, Павел Николаич. Вы извините мою смелость... но, впрочем, вам самим угодно. Дело вот в чем-с. Сельцо Ветрово... Признаться, я отроду не говаривал перед сановником... вы меня извините, коли я что...

Елецкий. Говорите, говорите смело.

Тропачев (указывая Карпачову на рюмку, Кузовкину). А рюмочку? а?

Кузовкин (отказываясь). Нет, уж позвольте-с...

Тропачев. Для куражу?

Кузовкин. Разве для куражу. (Пьет и утирает лоб платком.) Итак-с, доложу вам-с, сельцо Ветрово, о котором вот теперь речь идет, сие сельцо досталось по прямой нисходящей линии от деда моего Кузовкина, Максима-с, секунд-майора, может быть, изволили слышать, – родным братьям, Максимовым сыновьям, родителю моему, Семену, и дяде моему родному, Никтополиону. Родитель мой, Семен, с братом своим родным, а моим дядей, при жизни не делился; а дядя мой умер бездетным, вот что прошу заметить, – а только умер он после кончины отца моего родного, Семена; а была у них сестра, тоже родная, Катерина... и вышла она, Катерина, замуж за Ягушкина, Порфирия; а у Ягушкина Порфирия был от первой жены, польки, сын Илья, пьяница горький и бурмасон,[3 - ...пьяница горький и бурмасон... – от слова «бурмасонить» – ругать, ворчать (владимирский говор).] которому Илье дядя мой Никтополион, стало быть, по навету сестры Катерины, дал вексель в тысячу семьсот рублей, а сама Катерина тоже мужу своему, Порфирию, вексель в тысячу семьсот рублей определила и с отца моего родного чрез посредство заседателя уездного суда Галушкина тоже вексель... только в две тысячи рублей взяла, причем и Галушкинова жена участвовала... На этих порах отец мой – царство ему небесное – возьми да и умри. Пошли векселя ко взысканью. Никтополион туда-сюда: говорит... я не делился, имение сие мое вообще с племянником; Катерина – четырнадцатую часть, говорит, подай;[4 - ...четырнадцатую часть, говорит, подай... – По законам о наследовании, действовавшим в Российской империи, дочь имела право после смерти отца, при наличии прямых наследников мужского пола, на одну четырнадцатую часть недвижимого и одну восьмую часть движимого имущества.] казенные недоимки

тоже под тот случай подвернулись... Беда! Галушкинова жена вдруг хлоп вексель с своей стороны... Никтополион говорит: за то племянник, дескать, отвечает... а какой, извольте рассудить, с малолетнего ответ?.. а Галушкин его к суду. Полькин сын туда же, да еще и мачеху, Катерину, не пощадил... и ей, говорит, не спущу... она, говорит, у меня прислужницу Акулину опоила... Заварилась каша. Покатили просьбы. В уездный суд, в губернское, а из губернского опять в уездный с надписью... а после смерти Никтополиона совсем худо пошло. Я требую ввода во владение... а тут отдается приказ: по казенным недоимкам продать сельцо Ветрово аукционного торгу. Немец Гангинместер права свои заявляет... а тут, глядишь, мужики, словно куропатки, бегут, бегут, уездный предводитель мне в дверях выговор читает, под опеку, кричит, под опеку... а какое под опеку... Законный наследник не введен... на полькина сына Илью мачеха Катерина жалобу в самый Правительствующий сенат... (Остановленный всеобщим хохотом, Кузовкин умолкает и страшно конфузится. Трембинский, который все время подобострастно и не совсем решительно взглядывал на господ и почтительно участвовал в их веселости, с визгом смеется в руку. Петр глупо ухмыляется, стоя у двери. Карпачов хохочет густо, но не без осторожности. Тропачев заливается. Елецкий смеется несколько презрительно и щурит глаза. Один Иванов, который во время рассказа не раз дергал за полу разгоряченного Кузовкина, сидит потупя голову.)

Елецкий (Кузовкину сквозь смех). Продолжайте, зачем же вы остановились?

Тропачев. Сделайте одолженье, как бишь вас, продолжайте.

Кузовкин. Я... извините... беспокоил, знать...

Тропачев. А, я вижу, в чем дело... вы робеете... не правда ли, вы робеете?

Кузовкин (погасшим голосом). Точно так-с.

Тропачев. Ну, этому горю помочь нужно... (Поднимая пустую бутылку.) Человек! дай-ка нам еще вина... (Елецкому.) Vous permettez?[16 - Разрешите? (франц.)]

Елецкий. Сделайте одолжение... (Трембинскому.) Да нет ли шампанского?

Трембинский. Как не быть-с... (Бежит к вазе с шампанским и поспешно ее приносит, Кузовкин улыбается и берется за пуговицы своего сюртука.)

Тропачев (Кузовкину). Это нехорошо, почтеннейший! Робеть... в порядочном обществе это не принято. (Елецкому, указывая на вазу с шампанским.) Как – уже замороженное? Mais c'est magnifique.[17 - Это же великолепно. (франц.)] (Наливает бокал.) Хорошее, должно быть, вино. (Кузовкину.) Это вот вам. Да не отказывайтесь же... Ну, зарпортовались немножко – что за беда? Павел Николаич, прикажите ему пить...

Елецкий. За здоровье будущего владельца Ветрова! Пейте же, Василий... Василий Алексеич. (Кузовкин пьет.)

Тропачев. Вот люблю! (Встает с Елецким; все встают и идут на авансцену.) Какой славный завтрак! (Кузовкину.) Ну, так как же? В чем бишь дело? С кем у вас тяжба теперь?.. а?

Кузовкин (начиная приходить в волнение от вина). С гангинместеровскими наследниками, разумеется...

Тропачев. Да кто этот господин?

Кузовкин. А известно, немец. Он векселя скупил, а другие говорят, что просто взял. Я сам того же мненья. Запугал баб – да и взял.

Тропачев. А Катерина-то что же глядела? А полькин сын, Илья?

Кузовкин. Э! эти все перемерли. Полькин сын даже сгорел – в постоялом дворе, в пьяном виде, на большой дороге, по случаю пожара. (К Иванову.)

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

под гребенку (франц.).

2

Отдайте это, мой друг. (франц.)

3

Между порядочными людьми (франц.).

4

О, не обращайтесь внимания. (франц.)

5

прошу вас (франц.).

6

Хорошо, хорошо. (франц.)

7

вот такой (франц.).

8

Не обращайтесь внимания. (франц.)

9

Я в восторге! (франц.)

10

вы довольны? (франц.)

11

Очень, очень хорошо, все очень хорошо... (франц.)

12

Как хорошо сервировано! (франц.)

13

Это я так его называю... Вы разрешаете? (франц.)

14

Превосходно, превосходно (франц.).

15

мы посмеемся (франц.).

16

Разрешите? (франц.)

17

Это же великолепно. (франц.)

Комментарии

1

Двести семьдесят пять десятин в клину. – См. разъяснение этих строк в письме Тургенева к Л. Пичу, приведенном выше, с. 603.

2

Экая бестия этот Сен-Жорж! – См. выше, с. 571.

3

...пьяница горький и бурмасон... – от слова «бурмасонить» – ругать, ворчать (владимирский говор).

4

...четырнадцатую часть, говорит, подай... – По законам о наследовании, действовавшим в Российской империи, дочь имела право после смерти отца, при наличии прямых наследников мужского пола, на одну четырнадцатую часть недвижимого и одну восьмую часть движимого имущества.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/ivan-turgenev/nahlebrik>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)